

Альберт Зинатуллин

Только у неё

Родился: 19 апреля 1966 года, г. Свердловск (Екатеринбург). С 1989 по 2000 гг. – арт-директор компании «Труппа «Наивный театр»». С 1994 по 2002 гг. – преподаватель ЕГПИ, кафедра Театра кукол. С 1994 по настоящий момент – автор и ведущий детского телевизионного проекта «Телебом», «Капашилки», «Детское время» (4-канал, Екатеринбург; в т.ч. ТНТ-телесеть, НТВ+, Москва, сезон 2000-2002). 2017 г. – лауреат международной литературной премии им. П.П.Бажова в номинации «Мастер. Поэзия» за книгу стихов «Третья сторона бумаги» (Издательство «Кабинетный ученый», Москва-Екатеринбург, 2017 г.). С 2014 г. по настоящее время – руководитель проектов «Театр Вороны Капы», «Душа Тряпичкин» и «Театр кукол Альберта Зинатуллина». Член Союза Театральных Деятелей/СТД РФ (ВТО).

* * *

...Я так хорошо все придумал, что тут же забыл
На радостях!.. тут же едва не пролил – вспоминая –
Фарфоровый кофе, чья горечь, и свежесть, и пыл
Иссякли, пока я салфетку «царапал» сминая.

Мне нравилось так – что вот Петя, идет под «шефе»,
Такой беззаботный, красивый, веселый и целый!
Сейчас подвернется ему неплохое кафе,
Где можно курить и вполне «проходимые» цены...

Я все рассчитал: как войдет, как заметит в углу
Единственный – чудом каким-то! – не занятый столик,
Закажет... не знаю, тут я ошибиться могу,
Он все-таки вам не какой-нибудь там алкоголик.

В плохую минуту, в хорошую, в слякоть и зной
Приятно зайти, чтобы дымную чашку неспешно
Смешать с ароматом табачным. Приятно, бог мой! –
В плохую минуту... в хорошую лучше, конечно.

Кофейня притихла и скоро затихнет совсем,
Вы сами поймете – когда, близоруко у входа

Прищурившись, «ангел» войдет с черной лентой в косе.
Не то, чтобы очень она изменилась... Погода,

Как было задумано, четко пойдет с облаков.
Он врать будет так неумело, и словно «на помощь»,
Она будет слушать его, улыбаясь легко:
– А я ведь ждала тебя... летом тогда... ты не помнишь!..

Она рассмеется. И ливень, как рухнувший мир,
Еще неожиданней кончится, чем начинался.
Летучих надежд будет полон весенний эфир,
Несбыточных, словно «...-три, раз-два-три...» белого вальса.

И словно синица, которая перезимует –
Любовь возвращается в хрупкое сердце гнезда,
Чтоб снова на землю на эту глядеть неземную
Сквозь полные света и вечной разлуки глаза.

Казалось, Она ему шепчет одними губами
На самое ухо, так близко, что слушать невмочь:
«Ты помнишь меня?.. Наше утро и день – миновали,
Но нам остается еще целый вечер и ночь!..

Долги, «коммуналка», отчетливый кухонный свет,
Бутылки, ни в чем не повинная девочка плачет...
Мы всё это вычеркнем! – не было этого, нет,
И – «...раз-два-три, раз...» – ничего, ровным счетом, не значит!»

...Как сказано было в пропущенной мною строфе,
Мужчина и женщина тихо уходят со сцены.
Они расстаются навек, покидая кафе,
Где можно курить и вполне «проходимые» цены.

Наверно, их надо вернуть, задержать на пороге –
Пусть он хотя бы проводит ее до метро...
Я делал что мог, я вычеркивал «лишние» строки.
И лишнее вычеркнул что-то, похоже на то.

Остывшая чашка, табачная тяжесть в виске.
Нельзя никогда доверяться салфеткам бумажным!
Не встретился, в общем, короче, никто и ни с кем.
Я так хорошо всё придумал... Но это не важно.

Рождество

... Тот год я помню очень хорошо.
Отец не спал. И скот в хлеву не блеял.
Предчувствовали снег, но снег не шёл.
Он всё не шёл – густой, протяжный, белый...

В ту ночь висеть остались до зимы
Несрезанные гроздья винограда.
Отец сказал, что это так и надо,
Но и зимой не трогал их никто.

Отец никак не мог надеть пальто.
Мы с братьями топтались у порога –
Волнение, растерянность, тревога...
Надеялись на снег, но снег не шёл!

Отец сказал, что это хорошо.
Никто не понял, что происходило.
Зима в тот год внезапно наступила,
Тем более, когда живёшь в глуши –

Блуждая в темноте своей души,
Как со свечой по вымершему дому,
В котором всё до боли незнакомо:
Сандалии при входе, полумрак,

Сундук для книг, стоящий точно так,
Как если б он стоял на самом деле,
Знакомый запах. Все уже поели.
И одеяла свёрнуты в углу.

Я вымыл руки и теперь могу
Идти играть, скакать в камнях с верёвкой,
Глазеть на птиц. В то утро очень ловко
Я подтянул маслины, уходя.

И рук не отнимая, понял я,
Что если вверх весь день бросать маслины,
То облака плывут неуловимо,
И видно, как вращается земля!

С тех пор не спал отец и вся семья.
Едва зима задышит у порога –
Волнение, растерянность, тревога...
И видно, как вращается земля.

* * *

... Не стели мне под ноги травы,
Не держи меня больше за плечи –
Никогда не лечил, и не лечит
Этот воздух больной головы.

Все равно не уйти никуда
По дороге, что крестиком мечена!
Небосвод головой искалеченной
Держат рыбы у самого дна.

Только мается месяц юродивый
На груди перебитых рябин...
Обними меня, милая родина,
Я тебя никогда не любил

Так мучительно-больно, как в этом
Помраченье умов и сердец!
Не бывает любовь без ответа,
Вот и я получил, наконец:

Пальцы лопнули розовым блюдцем
На далёкой и белой руке,
Мне теперь уже не дотянуться
До плывущей травы по реке,

Не измазаться в ягодах спелых,
И в росе онемелых кустов
Не вдохнуть утекающих в небо
И стекающих с неба дымов,

Не залить огороды худые
Ароматом висячих садов,
Чтобы даже цветы голубые
Распускала латунь проводов,

И охапкой нездешних магнолий
Заплетаясь в хвосты лошадям
Не ловить в убегающем поле
Паутину сырую дождя!

В догорающей медленной сини,
Поднимая тяжёлую пыль,
Шевелящийся алый осинник
Мимо лунного озера плыл...

Пейзаж здесь не очень-то важен,
Потому что Любовь, ангел мой,
Это как умирать, или даже –
Это как возвращаться домой.

* * *

... Душа моя, ангел мой, друг мой далекий и нежный!
Какие бы нас непомерные ветры не жгли,
Каких бы я слов не искал для тебя безутешных,
Одни только эти слова на язык мне пришли –

«Душа моя, ангел мой, друг мой, далекий и нежный»...
Разлука с годами теряет свою остроту,

Я знаю, я знаю, блуждая в пределах крошечных,
Ты ближе ко мне, чем оглохнувший голос во рту!

Ты ближе, ты ближе ко мне, чем петля или бритва,
Чем грифель, к бумаге прижавшийся, как сирота,
Который запнувшись на «чем безответней молитва»,
Продолжить готов – «тем она ослепительней»! Да...

Подобно стригам, возводящим в кипении жарком
Свой вечный Акрополь по вечным своим чертежам,
Всё то, что рисует слепцу его вечная палка –
Я вижу отчетливо с помощью карандаша:

Холодная осень... Напишем: «Холодная осень.
Хрустальное небо. Сверкающий иней лежит.
Далекое эхо! И мы, как счастливые гости...»
Душа моя, ангел мой, ты меня видишь, скажи?

Скажи, что весь мир – карандаш, углерода обломок,
Завернутый туго в пустой папиросный комок,
Что жизнь завершается, путь человека недолог,
Мы встретимся скоро – что нам эти несколько строк!..

Песенка для Вики

Она по городу идет –
Улыбки полон рот,
Как будто только у нее
Есть... Что? А что? А – вот!

Ошеломительный такой
И радостный секрет:
Как будто только у нее,
А у других-то нет!

И каждый жест ее поет,
Счастливый и чудной,

Как будто только у нее,
Как будто у одной.

Она краснее от корней
До самых разных мест,
Как будто у одной у ней...
На целом свете есть.

И улыбаясь о своём,
Тихонечко вздохнет:
Как будто только у нее
Есть что? А что? А – вот...

* * *

...Мы будем стоять посреди опустевшего храма,
В небесном луче будет плыть золотая пыльца!
Воскресная служба сегодня закончится рано,
И будет блеснуть на подносе два наших кольца.

И луч между нами натянется легок и светел,
Ты свечи с иконами спрячешь к себе в рюкзачок.
Поднимется ветер, и наши грядущие дети
Порешествуют с нами на дачу, а дальше – молчок.

Мы выйдем с тобою. купаясь в счастливом молчанье,
Сквозь луч золотистый, натянутый, словно струна.
Отец Афанасий, очки уронив, на прощанье
Подарит нам фильм про войну и немного вина.

Мы выпьем его, когда кончатся титры, целуясь,
Ты станешь похожа на послевоенный Париж.
Мне так будет нравиться видеть, тобою любуясь,
Как ты улыбаешься, смотришь, танцуешь, молчишь...

Мы тоже погибнем за Родину, только иначе.
Прижавшись щекой к ее твердой, холодной щеке,
Мы тоже погибнем – не выяснив, что это значит.
И линию фронта мы будем искать в темноте.

По лужам осенним, от боли внезапной бледнея,
Когда ничего не болит – распахнувши пальто,
Вернутся домой те, кто в этой войне уцелеет.
Да только, похоже, что не уцелеет никто.

Не надо бояться!.. я вылечу все твои раны.
Ты разве сумеешь? А я научусь – скажешь сам,
Когда в облаках опустевшего тихого храма
В небесном луче поплывет золотая пыльца.

* * *

...Они шли и бежали, бежали и шли – увлекая
За собою весенних ветров упоительный ток!
Проходными дворами, под грохот собачьего лая,
Покидая строку, как строка покидает листок –

Натыкаясь на стол, на гаражную ржавую мякоть,
Чтобы выскочить вновь, зачеркнув промелькнувший забор,
На стеклянный проспект, на весеннюю гулкую слякоть,
К магазину (где, кстати, торгуют еще до сих пор),

За горячею булкою круглого черного хлеба.
Так ничто не хрустит, как хрустит – даже не с чем сравнить –
Пузыристая корочка, Господи Боже, и небо
Умещалось в бутылку Кагора, который не пить

По-другому, как только из горлышка, честное слово,
Невозможно, испачкавшись в хлебной пылице золотой!
Этот голод был свойства, мой друг, совершенно иного,
Эту жажду нельзя утолить было просто водой.

Они шли и бежали, бежали и шли! – улыбаясь...
И пуская на ветер табачных плантаций труды
Тот, который повыше, от холода чуть заикаясь,
Объяснял, как по правилам нужно вдыхать этот дым.

Пузырился Кагор и хрустела горячая корка,
Мир – открытая книга – скрипел переплетом дверным.
Наизусть был известен им путь от роддома до морга
Самый быстрый, и было рукою подать до тюрьмы!

Они шли и бежали... И было ещё неизвестно
Из какого подъезда навстречу им выпадет вдруг
С пустотою в глазах – тошнотворной, как нож хлебoreзный!
Ещё много чего было им неизвестно, мой друг.

Они шли и бежали, бежали и шли, улыбаясь
И пуская на ветер табачных плантаций труды
Тот, который повыше, от холода чуть заикаясь,
Объяснял, как по правилам надо вдыхать этот дым.

* * *

- ...Привези мне вина урожая последнего года,
Я уже позабыл, как звучит молодое вино.
- Вот ключи, посмотри, я кладу в верхний ящик комода.
Что тебе привезти? Впрочем, если тебе все равно...

- Привези мне вина урожая последнего года,
Кто там знает, что с нами случится в последнем году.
Может, выпадет снег, обнажая небесные своды,
И мы все перейдем на тот берег по тонкому льду.

Может, кончится осень, и времени больше не будет.
Потому что нет времени у молодого вина –
Это боль и печаль, это горечь и свет наших судеб,
Каждый пьющий его будет виден до самого дна.

- Мы притащим столы, мы расставим их все как попало,
И рассядемся все, как попало – вдвоем и втроем,
И цветы будут нами любясь с улыбкой усталой
Всё нежней и нежней становиться теперь с каждым днем.

- Это будут цветы «урожая последнего года».
Будет шумно и весело, словно бы в старом кино.
Этот утренний хлеб будет свеж и хорош, как погода,
И звенеть будет в стеклах последнего года вино.